Зиновьев.Г. Задачи рабочей и крестьянской
молодежи.

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Г. ЗИНОВЬЕВ.

Задачи Рабочей и Крестьянской Молодежи.

Речь Г. Зиновьева делегатам крестьянской и рабочей молодежи 2 февраля 1919 г.

Государственное Издательство.
Гомельское Отделение.
1920 г.

ГОМЕЛЬ.

3-я Советская типография.

1920 г.

I.

Рабочая молодежь всюду в авангарде движения.

Во всем мире с начала войны первой встрепенулась рабочая молодежь; и это было не случайно, это было потому, что вопрос о войне ближе всего касался рабочей молодежи и затрагивал именно рабочую молодежь.

Сейчас, когда война окончена и в Париже несколько десятков буржуазных министров подводят, после кровавого пира, итоги разбитой посуде, мы, обозревая пройденные четыре с половиной года, ясно видим, что больше всего пострадала именно рабочая молодежь. Если на войне было перебито, по старому подсчету, по меньшей мере, с лишним десять миллионов человек, то нет сомнения, что около пяти миллионов, если не больше, принадлежит к молодежи, к числу людей, возраст которых не превышал 20 и самое большое 25 лет.

Вот почему рабочая молодежь первая должна была встрепенуться.

Рабочей молодежи больше, чем кому либо, присущ идеальный протест против войны просто из чувства отвращения к бойне; да и кроме того, даже руководясь соображениями простого рассчета, молодежь должна была первая возвысить голос протеста, так-как ближе всего это касалось ее и больше всего должна была пострадать именно она.

Вы, вероятно, все знаете, что буржуазное правительство, когда дело доходило до предоставления избирательных прав народу, старалась урезать права молодежи: оно вводило непременно избирательные цензы и давало ей избирательные права только

начиная с 25 лет, самое ранее с 21 года; но когда дело шло о том, чтобы посылать молодежь на войну, тогда оно посылало и 18, и 17-тилетних.

Вот оно, лицемерие буржуазного общества! По части пользования правами—поднимается норма, а когда дело идет об обязанностях, о налогах и т. п.—берут на убой и 17-тилетних и жалеют, пожалуй, что нельзя взять 13-летних.

II.

Протест молодежи против старого казенного Интернационала.

Рабочая молодежь встрепенулась первая; и первая же подняла она голос против старого казенного Второго Интернационала, первая увидела она его банкротство. Именно, когда германская социал-демократия во главе с Шейдеманом, в 14 году поддерживала войну и кровавого Вильгельма, тогда наиболее молодые отряды социалистической рабочей молодежи в Берлине и в ряде других городов протестовали против войны. Так было и во всех других странах.

Первая международная конференция социалистического юношества состоялась в Берне, как раз в том самом городе, где сейчас пытаются собраться проститутки официальной германской и французской казенной социал-демократии. Молодежь собралась в 1914 году во имя протеста. Там было, между прочим, решено вновь начать издание газеты „Интернационал Молодежи"—газеты, которая была перенесена тогда в Швейцарию и в которой стали работать все коммунисты, оставшиеся верными знамени социализма

III.

Карл Либкнехт в сотрудничестве его с молодежью.

Немногие знают, что в „Интернационале Молодежи" помещал свои блестящие статьи незабвенный Карл Либкнехт. Подписывать их собственной подписью он не мог, и подписывался „Не-

примиримый". Был он действительно непримиримым, когда дело шло о защите интересов рабочего класса и, в частности, о защите интересов юношества. В 1914—15—16 г.г. в журнале „Интернационал Молодежи“ он, таким образом, поместил несколько блестящих статей, в которых тогда еще, когда кругом царило спокойствие кладбища и справляли свои козни цари, помещики, банкиры и их прихвостни-шейдемановцы, он звал рабочую молодежь на баррикады. Он обсуждал в „Интернационале Молодежи“ вопросы техники, напр., о применении проволочных заграждений во время уличных боев, о том, как учиться стрельбе, рассыпному строю и т. д. Уже в 1914 г. он призывал рабочую молодежь готовиться к моменту, когда она должна будет скрестить шпаги со старым поколением бывших социалистов, ныне продавшихся буржуазии.

И в этом же журнале помещали свои статьи тов. Ленин и Бухарин; мне тоже случалось писать в „Интернационале Молодежи“—в единственном пристанище всех социалистов, которые остались верными красному знамени и органически не могли посоветовать нашему молодому поколению заменить красное знамя белым, надувательским белым знаменем, на самом деле не белым, а гнусным, зеленым, как змий, знаменем.

IV.

Новая страница в истории международной организации молодежи.

На международной конференции в Берне рабочей молодежи, впрочем, было немного. Собралось всего 20—25 человек представителей. Комитет молодежи был перенесен из Австрии в Швейцарию, как в центральное место. В Австрии председателем союза молодежи был Роберт Люцемберг, социалист, который одно время был признан коммунистом, а потом занял позицию центра, сере-

дины, т. е. позицию Каутского. А в Швейцарии председателем Центрального Комитета был выбран тов. Р., немецкий молодой пролетарий, высланный из Германии за защиту коммунизма. Он переселился в „свободную“ мелкобуржуазную Швейцарию, но этого молодого человека, что ни месяц—свободная страна сажала в тюрьму за то, что он учил рабочих не верить прекрасным. но пустым словам: не смотрите на то, что Швейцария называет себя республикой, говорил он, а смотрите в корень вещей, ибо хотя в Швейцарии и республиканский строй, рабочие в этой стране остаются все таки наемными рабами. Что толку, что рабочий раз в три года, или раз в пять лет имеет право подать свой избирательный бюллетень; но ведь он должен оставаться наемным рабом, ведь все фабрики, заводы, земля, шахты, все железные дороги и банки принадлежат маленькой кучке капиталистов, а не пролетариату.

Капиталисты же умеют применяться ко всеобщему избирательному праву и к республике, околпачивают темных людей и остаются господами положения, эксплоатируя миллионы людей.

Когда Центральный Исполнительный Комитет перешел в Швейцарию, открылась новая страница в истории международной организации молодежи. Ее вожаком, хотя и не формально, был тов. Либкнехт.

V.

Карл Либкнехт как вожак рабочей молодежи.

Начал он эту работу в Германии, и многие, так называемые солидные, социал-демократы покачивали головой, находя, что Либкнехт занимается мелким делом. Как заниматься организацией зеленой молодежи серьезному социалисту! Серьезный социалист должен разговаривать не иначе, как с министрами, он должен чувствовать себя дельцом, играть на бирже! В Германии это было очень принято; да и во Франции тоже. Следовало быть солидным

папашей, который смотрит сверху вниз на зеленую молодежь; и вдруг Либкнехт, депутат, человек с крупным именем, организует молодежь! Что за пустые фантазии!

Лучшие социалисты Германии и всего мира, однако, иначе смотрели на это дело; они, эти будущие коммунисты, отлично понимали, что война приближается. В 7-м году уже все честные социалисты ясно сознавали это и говорили об этом на всех перекрестках рабочему классу.

Так, на Штуттгартском конгрессе мы говорили во всеуслышание, что не сегодня завтра, не через год, так через два, загорится империалистическая война, и буржуазия не преминет бросить десятки миллионов рабочих и крестьян друг против друга. Как только началась Балканская война, был созван международный конгресс в Бацене, а на нем высказалось все, что было честного в Интернационале; вы видите, Балканская война наступила, говорили наши товарищи, но это только маленькое начало, это только увертюра той большой кровавой оперы, которую готовит пролетариату буржуазия всех стран. Война наступает—и рабочий класс должен встретить ее во всеоружии; буржуазия должна будет вооружить десятки миллионов людей, должна будет снабдить винтовками рабочую молодежь—и—смотрите, не чурайтесь, возьмите винтовку и научитесь владеть ею, чтобы в решительный момент обернуть ее против буржуазии. Вот что говорили истинные социалисты.

Не друг против друга рабочие и крестьяне должны были сразиться, взяв винтовку, а дать бой своим угнетателям. И для этого то Либкнехт пошел с рабочей и крестьянской молодежью, зная, что самые большие жертвы будут принесены этой молодежью и что целые поколения рабочего и крестьянского юношества буржуазия не задумается зарезать в пользу своих ростовщических интересов.

VI.

Два мира—два поколения социал-демократов.

Знал Либкнехт, что грядет борьба и потребует 10 миллионов жизней рабочих и крестьян. И хотел подготовить рабочую и крестьянскую молодежь к моменту, когда, получив в руки оружие, она должна будет использовать его для пролетариата. Он будил ее сознание. Он говорил: не надейтесь на отцов, на старое поколение, не надейтесь на старую, казенную социал-демократию!

Кому случалось видеть, особенно среди германской социал-демократии, живьем два поколения—отцов и детей, тот наглядно мог убедиться, что это два разные мира.

Возьмите среднего германского социал-демократа, даже не из худших, разве такой социал-демократ обладает революционным опытом? Даже Август Бебель один из лучших вождей германского рабочего класса, обозревая плоды своей деятельности на склоне лет, когда ему было 70 слишком, в воспоминаниях своих говорит: я много видел, мне улыбнулось счастье, я был простым токарем и поднялся до степени вождя миллионов рабочих, да, у меня была счастливая жизнь. Но в одном я был несчастлив—я ни одного дня не дышал воздухом революции. В Германии господствовала тишь и гладь—Божья благодать. Я не видел революции, я не дышал воздухом революции, я только о ней читал.

А читать и переживать—разница! Бебель завидовал своему старому другу Вильгельму Либкнехту, отцу Карла Либкнехта, который был старше Августа Бебеля на десяток лет и сам участвовал в боях во время революции 48 года. Он говорил ему: Ты много счастливее меня. Ты хотя не социалистическую революцию, но буржуазную, но демократическую революцию пережил, ты участвовал в отрядах тогдашних рабочих, ремесленников, ре-

волюционных студентов, которые шли против буржуев: ты совсем другой человек, у тебя другие мозги, ты несколько недель дышал революционным воздухом, и эти незабвенные впечатления оставили в тебе след на всю жизнь.

Действительно, ведь, так. Мы с вами, столько пережившие в России (а многие видели и революцию 1905 года), мы сможем оценить, какое это имеет громадное значение, когда человек не только читал о революции, не только слышал, но когда он и видел ее; только мы можем оценить, что это значит, когда поднимаются миллионы трудящихся людей, кто переживал величие минут, когда рабочие и крестьяне на улицах подставляют свою грудь под штыки, выходят, часто безоружные, против громадных масс вооруженных солдат и побеждают их своим самопожертвованием, своей готовностью ринуться в бой,—тот закалился на всю жизнь, и на всю жизнь положена красная печать на его сердце.

Казенные социалисты—шейдемановцы не видели революции; они родились и жили несознательной жизнью в такую полосу, когда героическая работа их сводилась к тому, чтобы, раз в пять лет, подать избирательный бюллетень, или распространить легальную газету, или сделать членский взнос. Они не видели революции и, таким образом, из них создалось целое поколение людей с закостенелой логикой, с глазами, не смотрящими вперед, с душой, чуждой трепету души молодежи; одним словом—стали они чиновниками от социализма.

VII.

Тип стального борца, выковавшийся среди рабочей молодежи.

Хотя молодое поколение германской социал-демократии, рабочая молодежь сама пока не видела революций, но она чувствовала приближение грозы, носившейся в воздухе,—а многие слышали

уже о революции нашей 5-го года, и не только слышали, но и переживали ее вместе с нами. Во всяком случае, чутко прислушивались они к событиям нашей жизни, и, под впечатлением всего этого, создался в Германии другой тип общественного человека, человека, который понял, что ему предстоят величайшие испытания; и не только читать о революции, но и участвовать в ней и не только слышать о войне, но и самому воевать. Среди рабочей молодежи выковывался тип стального борца.

Карл Либкнехт был настолько предусмотрителен, настолько гениален, что десять лет тому назад, когда все было неясно, сумел уже инстинктом почувствовать и понять, что надо смотреть не назад, не на старых папаш, не на седые бороды, не на старых ветеранов Германской Социал-демократии, а надо к зеленой молодежи, к новому поколению,которое само пройдет через горнило войны и через революции.

VIII.

Социалистические посевы Вильгельма и Карла Либкнехтов.

Вильгельм Либкнехт, отец Карла Либкнехта, передал сыну эту горячую любовь к рабочему классу, заразил его любовью к рабочему народу, вселил в его сердце уверенность, что каждый социалист должен считать счастьем умереть за интересы пролетарской революции. Он воспитал его в убеждении, что социалистом является не тот, кто сидит по 20 лет в парламенте и просиживает по десяти кресел, а тот, кто умеет дышать одной грудью с рабочим классом и крестьянской беднотой, который умеет быть в первых рядах пролетариата. Вильгельм Либкнехт и умел быть в первых рядах. Он называл себя солдатом революци. После 1871 года, после франко-прусской войны его судили—и за что? Его судили за то, что он в 71 году возвысил голос против войны в то время, как вся Германия была пьяна от шовинизма! Он сказал: вы деретесь с французами, а я заявляю, что мне французкий

рабочий ближе, чем любой германский буржуй, хоть он и немец. Эту гордую и честную фразу не простили ему германские буржуи. Когда Германия вышла победительницей, когда были забраны Эльзас и Лотарингия, когда Бисмарк заставил французов заплатить пятимиллиардную контрибуцию, буржуи вспомнили, что с Вильгельмом Либкнехтом надо рассчитаться, и закатили его на три года в каторгу. На процессе буржуазный прокурор обвинял В. Либкнехта, что он был вожаком германской рабочей революции того времени. В. Либкнехт, отвечая, сказал: я не был вожаком и не хочу быть вожаком; я не хочу быть генералом даже от революции, я горжусь, что я солдат революции, что я простой рядовой солдат революции!

Он воспитал и своего сына Карла Либкнехта в этом духе— считать за гордость быть простым солдатом революции—и Карл Либкнехт не забыл этого; и когда надвинулась новая критическая полоса в истории человечества, и стала готовиться нынешняя бойня, и разгорались события, Либкнехт направил свои стопы к молодежи, как о колыбели Третьего Интернационала, нового, настоящего, честного Интернационала, который должен покончить с властью буржуазии. Рабочей молодежи он внушал горячую ненависть к буржуазии и горячую любовь к трудящимся и угнетенным. И то, что посеял Либкнехт, мы видим, теперь всходит.

IX.

Как мужественно умеет умирать героическая рабочая молодежь.

Вы читали о героях парижской Коммуны, помните, как умирала рабочая молодежь в 71 году, когда ей буржуазная челядь, буржуазные дамочки зонтиком выкалывали глаза, с каким героизмом умели умирать юные пролетарии Парижа! Один современник, приступая к рассказу о них, начал: обнажите головы, я буду говорить о мертвецах Коммуны. И действительно, стоит обнажить головы перед этими героями, перед мужеством, с каким они поднимали знамя Коммуны.

»И в Берлине недавно задержали юного сторонника Карла Либкнехта, 18-ти-летнего рабочего. Задержала его белогвардейская шайка, которая там, вместе с социал-демократом Шейдеманом, расстреливает рабочую молодежь. Задержавши, она поставила юношу у стенки, и, с ровольвером у виска его, потребовала: „Кричи, да здраствует Шейдеман!“ Но молодой человек, не смотря на то, что смерть прижималась к его виску, крикнул: „Да здравствует Карл Либкнехт, да здравствует Коммуна!“ (*Аплодисменты*).

Его расстреляла эта шайка при сатанинском хохоте банды офицеров, она взяла верх над юношей; но моральная победа—победа духа—на стороне этого юнца, этого 18-тилетнего германского пролетария, который под дулом револьвера был предан и верен Коммуне и повторял имя Карла Либкнехт, лучшего из лучших социалистов, апостола рабочей Коммуны.

И не мало было таких примеров и в нашей собственной борьбе. Так—два товарища рассказали мне о недавнем случае в Нарве. Там участвовал в боях финляндский отряд. В этом отряде оказался на службе молодой финский рабочий, безрукий. Ему не было и 20 лет. Он участвовал в прошлом году во всех боях, был редкий стрелок; целился так метко, что каждый его выстрел уносил белогвардейца. Кончилось тем, что удалец потеряя руку в этой войне—стал инвалидом. Отправлялся, однако, отряд финских товарищей к нам на помощь, и молодой безрукий пролетарий попросился, чтобы его приняли в отряд; но ему было отказано—как однорукому. Тогда он тайно пробрался в отряд. И когда наши товарищи пришли в Нарву, он был уже среди них. Не мог он владеть винтовкой и револьвером; владел только топором. Но с топором в руке он все время был впереди финского отряда, заражая его воодушевлением. Отрубил даже не одну поганую голову белогвардейца и, к сожалению, пал в Нарве.

Да и один ли такой пример! Их было не мало во время борьбы финляндских рабочих против вековых их угнетателей. Мне еще рассказывал вчера товарищ с Северного Кавказа, мой старый знакомый, петроградский рабочий, как там его два мальчика, 14 и 16 лет, принимали непосредственное участие во всех боях. Они подавали патроны, помогали солдатам, чем могли, выступали в разведчиков, были не худшими стрелками и чувствовали себя так, будто бы они и родились в атмосфере этой гражданской войны. И не знали страха. Вам также известно, что сын Карла Либкнехта, который носит имя своего дедушки Вильгельма Либкнехта, 16-тилетний молодой человек, сражался в Берлине в первых рядах. Когда шайка белогвардейцев захватила последнее здание, она взорвала стены изнутри, подложив мину, 300 человек погибло, и только 50 человек спаслось. И в числе 50 человек был сын Карла Либкнехта, юноша, которого палач Шейдеман теперь арестовал и объявил заложником.

X.

Почему победит наше знамя.

То обстоятельство, что женщины рабочего класса с нами, что молодежь рабочая и крестьянская за нас—есть залог успеха; это означает, что сейчас борется не маленькая группа вожаков, а все, что есть честного в трудящемся классе.

Молодежи принадлежит будущее, молодежь с нами, и наше знамя поэтому побеждает и победит. Можно, конечно, жаловаться и возмущаться тем, что нашим детям приходится сейчас переживать моменты такой жестокой борьбы; что юношескому нежному сердцу приходится сразу преодолевать такие страшные препятствия, что иногда с 15 лет наша молодежь вынуждена принимать непосредственное участие в кровавых боях. Но сожалеть и плакать бесполезно; потому что не плакать и сожалеть надо,—радоваться.

XI.

Что было бы при господстве буржуазного порядка.

Разве лучше было бы, если бы господствовал буржуазный порядок? Разве наши дети тогда не умерали бы сотнями и тысячами, ютясь в подвалах? В 20 лет их забирали ведь и отправляли на фронты сражаться со своими заграничными братьями во имя темных договоров Вильгельма с Николаем. Разве этот, так называемый, буржуазный порядок не стоил уже миллионов жертв рабочему классу и крестьянству? Хорошо, что мы живем в такое время, это наше счастье; нам не придется сожалеть, как сожалел Бебель, что он ни одного часа не дышал воздухом революции. Мы будем счастливы тем, что всю свою сознательную жизнь дышали грозовым воздухом революции, таким, каким сейчас дышим.

XII.

Чем побеждала буржуазия.

Величайшее счастье нынешнего поколения, что оно живет во времена, когда вековой спор между трудом и капиталом сводится уже не к ораторской дуэли на трибуне, а к борьбе грудь с грудью, когда стеной против стены стоит класс против класса В этой войне мы не можем не победить, мы можем потерпеть временные поражения, но не победить не можем, хотя бы по одному тому, что если сложить даже всех буржуев мира, и то выйдет, пожалуй, столько, сколько рабочих в одном Петрограде. Вот почему, в конце концов, наша победа обеспечена. Буржуи могли побеждать до тех пор, пока им удавалось обманывать народ, пока еще их слушала рабочая молодежь, пока им удавалось восстанавливать рабочих против крестьян. Буржуазный строй—тонкая механика, он основан не только на насилии, на штыках и тюрьмах, он держится не только силою оружия, но и хитростью и обманом.

Присмотритесь к таким буржуазным республикам, как Америка и Франция, к демократическим, извините за выражение республикам; там всеобщее избирательное право, слова: „свобода, равенство и братство“ написаны на каждой тюрьме; да только в тюрьме сидит рабочий, крестьянин, солдат или матрос.

Буржуазия предпочитает другое равенство, равенство в банкирских конторах. Вглядитесь, какая практика у этих республик: они понимают, что надо молодежь иметь на своей стороне, и они школы стараются прибрать к своим рукам. Какой нибудь трехлетний французский карапуз, —мне случалось жить в Швейцарии—распевает песенки про Наполеона. Они ухитряются так построить дело, что даже дети наших русских революционеров тоже воспевали Наполеона! Мой сынишка называл себя целый год Наполеоном!

Как же это они ухитряются? А так, что школы в их руках, и они отравляют душу младенца, как только он сможет пролепетать первое слово. С молоком матери дети всасывают буржуазные привычки!

Возьмите любую хрестоматию, любую газету, любой детский праздник—все построено так, чтобы незаметно вливать в душу ребенка буржуазный яд, непременно воспитывать в том духе, что нет никого лучше Наполеона и буржуазных героев буржуазной армии.

Шовинизм нигде так не развит, как среди ребят французкой буржуазии. Старались каждого ребенка сделать сторонником империализма. Конечно, делают они это очень тонко. Ребенок не знает слова „империализм“, он не догадывается, что речь идет на самом деле о колониях, о грабежах. Работа эта очень талантливая, тонкая, умелая. Буржуй держит в своих руках школы, газеты, учителей, даже нянек, и опутывает душу ребенка.

XIII.

Мы должны бороться за душу ребенка, за освобождение юноши из под чар буржуазного кошмара.

Вот почему нам необходима борьба за душу ребенка, за душу юноши. Надо освобождать юные поколения из под чар этого буржуазного кошмара.

Даже у нас, в стране, где мы свергли иго буржуазии навсегда, остались старые привычки, предрассудки, мы сами не совлекли еще с себя ветхого Адама буржуазии, мы не можем сразу расстаться с привычками, которые накоплялись у нас десятилетиями, у наших отцов, дедов. Мы ловим себя на том, что мы, убежденные коммунисты, повторяем, однако, предрассудки буржуазии, плетемся по старым колеям. Необходима, необходима борьба!

Надо воспитывать молодежь в новом духе. Надо создавать таких же горячих сторонников коммунизма среди молодежи, каких буржуи умели создавать для себя. Надо создать новое поколение молодежи, чтобы оно было, как кристалл, чтобы новые юноши были образцовыми коммунарами, которые и под дулом револьвера кричали бы: да здравствует всемирная революция! И надо, чтобы взрослые рабочие и крестьяне, люди с бородами, относились к этому не в шутку, а понимали бы, что это очень важное дело.

XIV.

Молодежь устроит новую жизнь—будем беречь и холить молодежь!

Молодежь—все наше будущее, наша надежда. Мы расчищаем только почву, а настоящими строителями будут они. Мы все на-днях были полны негодования против палача Шейдемана,

убившего лучших из пролетарских вождей—Карла Либкнехта и Розу Люксембур. Кто совершит суд отмщения над Шейдеманом коллективным, кто расправится не с отдельным Шейдеманом, а с Шейдеманами, со всем отрядом, со всем поколением его, со всем иудиным племенем, кто сотрет их с лица земли? Может это сделать новое поколение рабочей молодежи, это оно может окончательно раздавить старое поколение лакеев, цепных псов буржуазии. Ведь это дело не одного дня, не одной недели. Берлинские рабочие одержат победу через 1—2 месяца, но победа будет не окончательная. Борьба будет продолжаться десять лет, может быть, два десятилетия. Сейчас два мира. С одной стороны —отвратительный смрад, вонь нестерпимая, где заразили весь воздух, где все полно предрассудками, где рутина, где ненавидят все новое, где пошлость, косность, где лижут сапог буржуазии, где целуют старую нагайку за то, что она старая, устаревшая, проржавленная, где не верят новому, где смеются над порывами молодежи. Этот старый мир должен отойти. С другой стороны—новый мир, который рвет цепи, пробивается вперед, смеется над прогнившим старым миром, бросает ему вызов, презирает его, презирает все его, так называемые, заслуги и говорит, что если нагайка—устаревшая, прежняя, тем хуже для нагайки, тем скорее надо с нею расстаться, будь она трижды проклята!

От молодежи зависит все. Мы строим красную армию и скоро весь мир будет иметь красную армию, скоро будут миллионы красноармейцев. Добиться того, чтобы „это было не только на бумаге, а и в действительности, чтобы народился новый солдат-коммунист, который ничего общего не имеет со старым солдатом —добиться этого может только молодежь, дающая главный контингент солдат.

Вот почему всем нам, более пожилым коммунистам, надо бережно относиться к молодому движению, надо холить, растить

его, надо помнить, что Либкнехт не для баловства, не шуток ради, признал, что эта работа самая важная.

Да здравствует молодежь! Да здравствует Третий Интернационал, колыбелью которого явится рабочая и крестьянская молодежь!

(Продолжительные аплодисменты. Интернационал).

Цена 5 руб.

Никем указанная на брошюре цена не может быть повышена.

Государственное Издательство.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

Гомельское Отделение.

1920 г.

